

Гребень Е. А.
ДОКУМЕНТЫ ПОЛИЦИИ ВЕТРИНСКОГО РАЙОНА
КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ.¹

Полиция являлась важной составляющей местной вспомогательной администрацией в годы германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Помимо оказания помощи германским спецслужбам в выявлении и нейтрализации лиц, связанных с движением Сопротивления, а также евреев, оперативно-служебная деятельность полиции была направлена на расследования правонарушений, совершаемых гражданами.

В Государственном архиве Витебской области хранятся документы местной полиции восьми районов, степень информативности и сохранности которых неоднородна. Так, в фонде поставской районной управы 20 из 21-ой единицы хранения составляют документы полиции, представленные, в основном, протоколами допросов граждан, обвиненных осенью 1941–1942 гг. в симпатиях к советской власти и различных правонарушениях [1]. Значительная часть документов сенненской полиции касается мониторинга действий партизан в районе [2]. Информация об организационной структуре и личном составе содержится в фонде богушевского районного и чашникского районно-городского управления (доверенности и расписки на получение денег для заработной платы отрядам по борьбе с партизанами, личные карточки, автобиографии и анкеты полицейских, списки личного состава) [3; 4]. Аналогичные сведения плюс документы, иллюстрирующие оперативно-служебную деятельность полиции по раскрытию правонарушений содержатся в документах полиции Ветринского, Толочинского, и Оршанского районов [5; 6; 7]. Изучение документов полиции Городокского района (приказы, акты обысков, протоколы допросов, заявления граждан) затруднено в силу исключительно плохой сохранности («угасающий текст») [8].

В статье будет рассмотрена оперативно-служебная деятельность ветринской полиции, многие документы которой датированы 1943–1944 гг. и иллюстрируют заключительный период оккупации. Корпус документов представлен протоколами допросов граждан и полицейских следователем полиции, заключениями следователя по итогам следственных мероприятий, приказами начальника полиции по личному составу, а также его рапортами немецкому коменданту и рапортами и прошениями полицейских.

Первый блок документов касается организации службы. Из документов 1943 г. явствует, что полиция ветринского района была организована в виде батальона. В 1944 г. упоминается полицейский полка. Так, приказом начальника полиции от 19 апреля 1944 г. из полицейских опорных пунктов Гамовщина, Красюки, Плиски, Горяны и Петуховщина формировалась 3-ая рота 2-го батальона, а также 4-ая рота (опорные пункты Воробьи, Антоновичи, Бодиново и Шайторы) [9, л. 2]. В документе от 30 мая 1944 г. упоминается 6-ая рота 3-го батальона [9, л. 38]. Очевидно, в это время полицейский батальон был развернут до полка трехбатальонного состава, возможно, благодаря пополнению полицейскими из других районов [9, л. 70].

Приказы начальника полиции дают представление о дисциплине полицейских. Например, согласно приказу от 27 января 1944 г. от стражников требовалось прекратить порчу зимнего обмундирования (полицейские обрезали полы у тулупов и постовых шинелей и изготавливали из обрезков зимние головные уборы). Командиры подразделений обязывались провести беседы на сей счет и донести угрозу наказания до тех, кто утеряет или сдаст зимнее обмундирование испорченным [9, л. 8]. Приказом от 19 апреля 1944 г. один из стражников за грубое нарушение дисциплины арестовывался на 21 день и лишался маркитантских товаров на месяц, другой стражник наказывался 7-дневным арестом за игнорирование приказа командира [9, л. 2]. В приказе начальника районной стражи от 4 мая 1944 г. от командиров рот требовалось проверить актуальность информации о личном оружии и обмундировании в книжках стражников, регулярно проводить занятие с личным составом согласно расписанию. Полицейским предписывалось обращаться для решения различных вопросов к непосредственным командирам, а не к начальнику районной стражи. Командир одного из взводов за нарушения в процессе выдачи довольствия карался лишением выдачи маркитантских товаров на один месяц [9, л. 1].

Вооруженные полицейские ощущали безнаказанность в отношении общепринятых правил и норм поведения. Например, следователь полиции 15 марта 1944 г. допросил стражника, 1923 г.р. Полицейский показал, что, по прибытии его отряда в д. Горяне, он сговорился с сослуживцем украсть сало из амбара гражданина. Взломав дверь, обнаружил в амбаре лишь две скатерти и одеяло, которые взял с собой. Во время взлома был замечен начальником караула и выбросил присвоенное [9, л. 70]. 24 апреля 1944 г. следователем была допрошена жительница д. Могилки. Накануне переезда в другую деревню

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

осенью 1943 г, гражданка зарыла на опушке леса в яме различные предметы мужского и женского гардероба, ткань, наволочку, подушку, скатерть, одеяло, ножницы, эмалированный таз. В апреле 1944 г. вернулась в деревню проверить вещи, увидела выезжающих из лесу полицейских, обнаружила разломанный сундук, в котором хранилось закопанное. Часть вещей женщина увидела у полицейских. Ходатайство перед начальником отряда полиции о возвращении успеха не имела, он предложил гражданке подать заявление в жандармерию [л. 142, 142 об.].

Очевидно, подобные систематические действия полицейских привлекли внимание командования, поскольку следователь еще минимум трижды допрашивал стражников одного из взводов. Первый протокол допроса датирован 2 мая 1944 г. Полицейский 1924 г.р. показал, что по прибытии его взвода в покинутую населением д. Хоттевичи стражники стали искать ямы с закопанными вещами. Одна из них была найдена за хозяйственной постройкой, откуда он и трое его сослуживцев изъяли 40 единиц предметов мужского и женского гардероба, мануфактуры, постельного белья. На долю допрашиваемого пришлось мужской костюм, полушубок, два одеяла и плащ-палатка. Плащ-палатку он презентовал командиру отделения, а костюм продал гражданскому лицу за литр водки. Во время выезда отряда из деревни командир взвода сбросил с повозок часть награбленных вещей [9, л. 235]. 20 мая был допрошен полицейский того же взвода, 1916 г.р., который показал следующее. 11 мая было приказано прочесать лес. В ходе движения цепь разорвалась, группа полицейских из 10 человек обнаружила «партизанский» лагерь (очевидно, лагерь мирных жителей), обитатели которого при их приближении стали разбегаться. Полицейские открыли огонь, ранили мужчину, застрелили девушку и захватили 8 женщин, мужчину и несколько детей. Захваченных граждан отконвоировали в д. Хоттевичи, прочесывание леса было продолжено. В землянках, в которых скрывались гражданские, были обнаружены вещи и продукты питания. На долю допрашиваемого пришлось: две пары туфель, отрез ткани, женские шерстяной жакет, рубашка, две кофты, два женских головных убора и детская рубашка. Ранее в ходе аналогичных операций командир взвода присваивал почти все обнаруженные предметы, что полицейский рассматривал как несправедливость, поэтому полученное в ходе описываемой акции он не отдал. Полицейский также показал, что девушка была застрелена его коллегой в его присутствии [9, л. 231]. Аналогичный протокол был составлен 24 мая 1944 г. Стражник 2-го взвода 2-го батальона показал, что их отряд был в д. Хоттевичи (на момент прихода полиции оставленной жителями). Вместе с коллегами он занимался вскрытие ям, в которых местные жители закапывали имущество. Извлеченные вещи были расценены как партизанское имущество и поделены полицейскими. Во время транспортировки захваченных вещей к жене в свою деревню подвода была остановлена и вещи, список которых указывался в протоколе, переданы на хранение в районную стражу [9, л. 237].

В рапорте следователя начальнику райстражи от 9 мая 1944 г. сообщалось, что, после прибытия в пос. Шайторы взвода полиции, у гражданского населения участились случаи кражи продуктов, птицы, яиц и др. Приводился пример, когда у гражданки с чердака ночью было украдено 18 колец колбасы и мешок овса, у другой гражданки – две утки. Потерпевшие подозревали в краже конкретных полицейских, однако допрос и очная ставка их вину не подтвердила. Следователь признавал отсутствие контроля командира взвода над подчиненными, поэтому кражу могли совершить и другие полицейские, а обвиняемых предложил освободить из-под стражи [9, л. 181]. Фактически была проявлена корпоративная солидарность в отношении сослуживцев, а жалобы потерпевших остались без последствий.

В письме командира батальона командиру 4-ой роты от 11 мая 1944 г. констатировалось, что присутствие в роте командира не является сдерживающим фактором для полицейских, которые проявляют грубость и грабят население. Требовалось немедленно вернуть изъятое имущество, под угрозой «самой суровой ответственности» прекратить насилия над мирными жителями. Командирам подразделений, чьи подчиненные вели себя подобным образом, было «поставлено на вид» или объявлен строгий выговор, а также для разбирательств инцидентов был направлен начальник следственного отдела [9, л. 33]. Вряд ли столь мягкое наказание могло возыметь действие, да и сама дата письма показывает, что насилие полиции по отношению к мирным жителям сохранялось до конца оккупации.

Еще один блок документов иллюстрирует расследование правонарушений, совершаемых местными жителями. Так, в приказе начальника полиции от 7 декабря 1943 г. начальникам отрядов ставилась задача довести до сведения местного населения и сотрудников полиции запрет немецкого коменданта на производство самогона, которое имело место, «несмотря на предыдущие запреты». Нарушителям грозило заключение в трудовом лагере на срок от одного до полутора лет или расстрел [9, л. 9]. Самогоноварение фигурирует в протоколе допроса гражданина от 2 февраля 1944 г. Следователь допросил жителя д. Дубровка 1927 г.р., уроженца Руднянского района РСФСР, задержанного с водкой. С его слов, торговлей алкоголем стал заниматься не так давно, когда поселившись в деревне, понял, что на него можно достать все, а главное соль. За две недели до допроса он привел литр водки и зашел в магазин Центрального торгового общества «Восток» и далее в

находившую в том же здании столярную мастерскую. На предложение столярам купить водку получил положительный ответ, после чего вернулся с одним из них в магазин, где продавщица отвесила ему 4 кг соли. На вопрос нужно ли еще столяры ответили, что сколько привезешь, столько и возьмем. По возвращении в деревню гражданин смолот на мельнице 7 пудов ржи, половину муки использовал для производства самогона, одолжив для этого аппарат у другого гражданина, который, в свою очередь, позаимствовал его у кого-то. Из полпуда ржи получилось пять литров самогона, и еще 9,5 л взял в долг у разных граждан из расчета по 5 фунтов соли за литр. Алкоголь повез в Ветрино в надежде достать соль и хлеб и вновь пошел в мастерскую при магазине ЦТО. Один из столяров позвал желающих купить алкоголь (за него в магазине отвесили 16 кг соли), но, продегустировав продукт, покупатели от сделки отказались. Позднее гражданин был задержан полицией, очевидно, по наводке [9, л. 67, 67 об.]. 9 февраля 1944 г. следователь полиции дал заключение по обвинению жителя пос. Шайторы, обвиненного в самогоноварении. Факт самогоноварения признавался гражданином, заявившим, однако, что, хоть он и имел самогонный аппарат, но систематически самогоноварением не занимался, а произвел разово к празднику Рождества и сразу сдал аппарат. Следователь отметил, что обвиняемый работал машинистом на электростанции и не имел возможности систематически производить самогон «в соответствии с экономическими условиями», поэтому заслуживает штрафа в 600 руб., однако дело следует передать ветринскому коменданту для наложения взыскания [9, л. 101].

Полиция активно вела поиск среди местного населения граждан, связанных с партизанами. Например, 20 декабря 1943 г. была допрошена жительница пос. Гатовщина (Гамовщина?) 1896 г.р., которая признала, что в партизанах находятся ее брат со всей семьей, но связь с ним она не поддерживает и за его поступки ответственности не несет [9, л. 150]. Допрошенный в тот же день житель д. Катушенки 1903 г.р. показал, что до июня 1943 г. проживал с семьей в деревне, был мобилизован партизанами, но сбежал от них, не пробыв и одного дня. Чтобы избежать повторной мобилизации, с разрешения коменданта опорного пункта переехал в д. Загатье, и в настоящее время связь с партизанами не поддерживает, родственников в рядах партизан не имеет [9, л. 151]. Допрошенный 2 февраля 1944 г. житель д. Орлы, 1893 г.р. показал, что из родственников в партизанах находится его родной и двоюродный братья. Поскольку он пострадал от советской власти, то партизан ненавидит, и связи с ними не имеет. В январе месяце в дом к нему пришли четверо партизан, которые предложили присоединиться к ним. Гражданин попросил отсрочку на 2 – 3 дня, чтобы подготовиться к переходу. Партизаны попросили у него соли (пришлось отдать часть), расспрашивали о полиции (сколько человек в отряде, где находятся посты), и ему пришлось «говорить наобум». После их ухода гражданин известил начальника отряда полиции об их визите [9, л. 74]. 5 февраля 1944 г. следователем было дано заключение по обвинению в политической неблагонадежности. В документе сообщалось, что визит к нему осуществили полицейские под видом партизан. Поскольку он был раскулачен советской властью и сразу же сообщил о факте визита «партизан» в полицию, предлагалось освободить его из-под стражи [9, л. 185, 185 об.]. 14 февраля следователь рассмотрел дело по обвинению двух гражданок, жительницы д. Сельцо 1873 г.р. и д. Горяне 1923 г.р., задержанные как «сомнительные личности». Было установлено, что обе они никакого отношения к партизанам не имеют. Первая гражданка пошла навестить сестру в соседнюю деревню, вторя обвиняемая помогла ей переправиться через речку. Обе были задержаны полицией: первая как лицо, не имеющее пропуска и находящееся вне своего постоянного места жительства, вторая – как оказавшая ей помощь. Следователь постановил, что обе гражданки пострадали от советской власти, а приход пожилой женщины к сестре не имеет отношения к деятельности партизан, поэтому их следует освободить из-под стражи [9, л. 69, 69 об.]. 19 февраля 1944 г. следователь допросил задержанного жителя д. Пчельник, 1917 г.р., который показал, что из его семьи в партизанах никого нет. Накануне в деревню пришли пятеро партизан и гражданское лицо в качестве проводящего. Партизаны забрали лошадь гражданина и поехали в д. Игнополь, сказав ему, что лошадь берут насовсем (его супруге сказали, что берут временно). Через некоторое время проводник вернулся и сообщил, что забранных лошадей планируют оставить в деревнях Обухове или Блошниках, куда он и направился завтра. По дороге был остановлен группой вооруженных людей, которые представились партизанами, но оказались полицейскими. Мнимые, по его мнению, партизаны пытались склонить его к сотрудничеству, что допрашиваемый и пообещал, если ему вернут лошадь. Далее ему было предложено подобрать 3 – 4 человека себе в помощь, и он назвал подходящие кандидатуры. Гражданин также признал, что ему действительно приходилось несколько раз быть проводником партизан в разные деревни; партизаны просили назвать хозяев, у которых есть свиньи, коровы и другой скот. Также у гражданина был найден обрывок советской газеты «За родину» [9, л. 63, 63 об.]. Из протокола допроса сложно понять действительно ли гражданин имел дело с переодетыми полицейскими, которые таким образом пытались его разговорить и выяснить связи местного населения с партизанами, или же это были настоящие партизаны, и он пытался себя реабилитировать перед оккупационными властями.

Ряд документов характеризует стремление полицейских иметь исключительный, на фоне остальных граждан, статус. Например, начальник полиции 27 декабря 1943 г. обратился к районному коменданту с рапортом, в котором сообщал о мобилизации на работу (сначала в лагерь в г. Витебске потом в г. Алитус в Литву) детей ряда граждан, проживавших в д. Троицкое (эвакуированы сюда из пос. Труды Полоцкого района). Сообщалось, что молодые люди 1925 – 1926 гг. р. (возраста, тотально мобилизуемые на работу с 1943 г.) являются детьми полицейских, за чью благонадежность ручаются командиры отряда и стражники, и высказывалась просьба возбудить ходатайство перед полоцкой фельдкомендатурой об их возвращении [9, л. 13]. В письме начальника полиции старшему агроному Ветринского района от 19 января 1944 г. сообщалось, что проживающему в д. Косари стражнику был начислен налог в 30 кг мяса, но, поскольку он постоянно служит в полиции вместе с сыном, имеющееся у него хозяйство следует считать подсобным, которое не должно облагаться налогом [9, л. 299].

Подобные стремления коллаборационистов побудили полоцкую фельдкомендатуру 12 июня 1944 г. издать распоряжение относительно использования на работах родственников полицейских. Очевидно, этот вопрос налогообложения, мобилизации на работы на оккупированной территории и в Германии волновали сотрудников коллаборационных структур весь период оккупации. В документе отмечалось, что этот вопрос до настоящего времени не урегулирован (очевидно, на сей счет не было издано четких распоряжений командований тылом группы армий «Центр»), а сами сотрудники полиции придерживаются мнения, что их родственники не должны привлекаться к обязательной трудовой повинности, а только работать в личном хозяйстве. Позиция немцев состояла в том, что все члены семей полицейских, бургомистров и прочих «заслуженных граждан» были обязаны вносить вклад в дело борьбы против большевизма, и это содействие не должно было ограничиваться возделыванием собственного поля или огорода. Членов семей коллаборационистов призывали быть примером для остальных граждан. Немцы делали комплимент коллаборационистам: «Учитывая поведение, боевой дух, смелость и упорство в работе большинства стражников, жены и дети стражников, начальников районов и т.д. как исключение не охватываются в гражданские трудовые отряды...». Очевидно, не желая раздражать немногочисленную лояльную им часть местного населения, немцы при этом не могли себе позволить полностью освободить семьи коллаборационистов от работы, тем более что описываемые события происходили накануне освобождения Беларуси, когда немцы вели масштабные работы по строительству оборонительных укреплений, одновременно отправляя все новые контингенты оstarбайтеров в Германию. Поэтому членам семей коллаборационистов предлагалось довольствоваться тем, что их не будут отправлять на работу вне места жительства, но им придется мириться с привлечением к оборонительным работам, работам на производстве по направлению комендатуры или биржи труда. Также отмечалось поступление многочисленных жалоб полицейских, не желавших предоставлять своих лошадей (полученных благодаря комендатуре) на сельскохозяйственные и другие важные для немцев работы. Полицейских ставили перед фактом, что лошади из их личных хозяйств обязаны работать на перевозке грузов, строительстве мостов, предоставляться безлошадным односельчанам для обработки земли. В плане выполнения различных повинностей семья полицейского ничем не отличалась от семей рядовых односельчан [9, л. 75]. Далее рекомендовалось пополнять ряды ОД за счет сыновей (начиная с 1927 г.р.), братьев, зятьев полицейских, бургомистров и других коллаборационистов, эксплуатируя наличие в таких семьях антибольшевистских настроений. В случае нежелания вступить в полицию, их следовало направлять на работу в составе трудовых отрядов [9, л. 76].

Таким образом, документы полиции Ветринского района являются информативным источником, характеризующим повседневность периода германской оккупации Беларуси 1941 – 1944 гг. Они иллюстрируют перманентное насилие полицейских над мирным населением, мониторинг лиц, связанных с партизанами, провокационные мероприятия, когда полицейские маскировались под партизан с целью определить симпатизирующих партизанам граждан, низкую дисциплину полицейских и, при этом, относительно мягкие наказания в виде лишения выдачи товаров или кратковременных арестов. Последнее свидетельствовало о понимании руководством местной полиции того факта, что других исполнителей приказов германских оккупантов им не найти.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2843. Оп. 1. ДД. 1–8, 10–21.
2. ГАВт. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 1, 2, 6.
3. ГАВт. – Ф. 1851. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАВт. – Ф. 2111. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 1–12.
5. ГАВт. – Ф. 2078. Оп. 1. Д. 1–22.
6. ГАВт. – Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1–4.
7. ГАВт. – Ф. 2092. Оп. 1. Д. 1–145.
8. ГАВт. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 1–5.
9. ГАВт. – Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1.